

Вильгельм ДИЛЬТЕЙ

Категории жизни

(Глава из сочинения В. Дильтея «Структура исторического мира в науках о духе». Перевод выполнен по изданию: Dilthey W. *Gesammelte Schriften*. VII. Bd. Stuttgart, Göttingen. 1992. S. 228—246.)

Жизнь

Вглядимся в человеческий мир. В нем мы встречаем поэтов. Человеческий мир и является предметом их поэзии. В мире происходят события, которые поэт изображает. Ему принадлежат те черты, с помощью которых поэт делает значимыми те или иные события. Итак, я считаю, что великая тайна поэта, создающего над жизнью новую реальность, потрясающую нашу душу подобно самой жизни, расширяющую и возвышающую ее, может быть разгадана лишь тогда, когда будет осмыслена сопряженность человеческого мира и его наиболее характерных черт с поэзией. Ведь только так и может возникнуть теория, которая превращает историю поэзии в историческую науку.

Жизнь — это взаимодействие, существующее между личностями в определенных внешних условиях, постигаемое независимо от изменений места и времени. Я использую выражение «жизнь в науках о духе» лишь применительно к человеческому миру; тем самым уже определена область применения этого слова и исключается его неверное истолкование. Жизнь заключается во взаимодействии живых существ. Ведь психофизический процесс, который, согласно нашему пониманию, имеет начало и конец во времени, для внешнего наблюдателя является чем-то самоотждественным благодаря автономности (*Selbigkeit*) телесных проявлений; вместе с тем этот психофизический процесс характеризуется удивительными чертами, когда каждому его элементу присуща сознательная связь с другими элементами благодаря какому-то типическому переживанию непрерывности, взаимосвязности и самоотждественности процесса. Выражение «взаимодействие» в науках о духе характеризует отнюдь не отношение, фиксируемое мыслью в природе как одну из сторон причинности, фиксируемая в природе причинность всегда заключает в себе *causa aequat effectum* (причина уравнивается результатом — *лат.* (*Прим. перев.*)). Напротив, само это выражение обозначает переживание; оно в свою очередь может быть представлено как отношение импульса и сопротивления, давления, освоения (*Innewerden*) требований, радости за других и т. д. Импульс обозначает здесь не силу спонтанности причинности, принятую в объяснительных психологических теориях, а лишь переживание содержания, каким-то образом укорененного в живых существах и позволяющего нам испытать интенцию к осуществлению движений, направленных на достижение какого-то внешнего результата. Так и возникают переживания, которые вообще-то выражаются во взаимодействии различных лиц.

Итак, жизнь — это взаимосвязь, в которой находятся эти взаимодействия при определенных условиях взаимосвязи объектов природы, подчиняющихся закону причинности и охватывающих также и область психических процессов, присущих живым телам. Жизнь всегда и везде определена пространственно и во времени — как бы локализована в пространственно-временной организации процессов, присущих живым существам. Если же фиксировать то, что всегда и везде присутствует в человеческом мире и что как таковое делает возможным определенное в пространстве и времени событие, однако не путем абстрагирования

от него, а с помощью созерцания, ведущего от вначале сохраняющих свою тождественность свойств целого к различающимся пространственно и во времени свойствам, тогда возникнет понятие жизни, которое составляет основу всех отдельных формообразований и систем, основание нашего переживания, понимания, выражения и сравнительного рассмотрения их.

В этой жизни нас изумляет ее всеобщее свойство, которое мы испытываем только в ней, а не в природе и не в объектах природы, которые мы называем живыми или органическими живыми существами.

Переживание

I

Жизнь самым тесным образом связана с наполненностью временем. Ее целостный характер, присущие ей процессы распада и то, что одновременно образует взаимосвязь и единство (самость),— все это определено временем.

Жизнь существует во времени как отношение элементов к целому, т. е. как некая взаимосвязь.

Таким же образом сопережитое дано в понимании.

Жизнь и сопереживаемое обладают специфическим отношением элементов к целому. Элементы значимы для целого. Наиболее явно это отношение представлено в воспоминании. В любом жизненном отношении — будь то отношение целостности нашей [жизни] к самой себе и к другой целостности — вновь обнаруживается, что элементы значимы для всего целого. Я смотрю на ландшафт и узнаю его. Прежде всего надо исключить предположение, что это отношение является лишь интеллектуальным, а не жизненным. Поэтому нельзя назвать «образом» переживание момента, присутствующее в жизненном отношении к ландшафту. Я называю это впечатлением. По сути дела мне даны лишь впечатления. Нет личности (Selbst), оторванной от них, и отдельного от них источника впечатлений. Я лишь конструирую источник впечатлений.

Примечание

Все же необходимо констатировать, что значение связано с целостностью познающего субъекта. Если обобщить это выражение таким образом, что оно станет тождественным любому отношению между частями и целым, которое открывается субъекту так, что в него включен предмет мысли, точнее говоря, отношение элементов в предметном мышлении или в ходе целеполагания, а следовательно, и всеобщее представление, конструирующее отдельные образы, тогда это значение выражает принадлежность к целому, а в самом целом устраняется загадка жизни: как же целое может стать органической или психической реальностью? и т. д.

II

Настоящее, рассмотренное с психологической точки зрения,— это течение времени, протяженность которого схватывается в единстве. Постигая характер настоящего, мы одновременно постигаем и то, что неразлично нами из-за своей непрерывности. Это — жизненный миг, переживаемый нами. Кроме того, мы схватываем в переживании то, что структурно связано в воспоминании, даже если эта структурная связь различается в переживании в соответствии с моментами времени.

Принцип переживания: все, что существует для нас, как таковое дано лишь в настоящем. Даже если переживание относится к прошлому, оно дано нам только как переживание в настоящем. Отношение к принципу сознания: принцип [переживания]

является более общим (и полным). Ведь он охватывает и то, что не является действительным.

Следующий признак: переживание — это качественное бытие = реальность, которая не может быть определена с помощью освоения, но простирается до неразличимых глубин, которыми мы обладаем (NB: можно ли сказать: обладаем?). Переживание внешнего бытия или внешнего мира существует для меня таким же образом, как и то, что мною непонято, а лишь мне доступно. (Я говорю: мое переживание охватывает собой и то, что незаметно, и я могу его прояснить.)

Факт: из того, что охватывается моим созерцанием (это слово взято в самом широком смысле), какая-то часть выделяется с помощью значения, ставится в центр внимания, апперцепируется, а затем отличается от неапперцепированных духовных процессов. Это и есть то, что мы называем Я, существующим в двояком отношении: Я есть и Я обладаю.

Следующее доказательство: переживание одновременно содержит в качестве реальности структурную взаимосвязь жизни; пространственно-временная локализация, исходящая из настоящего и далее; а в ней — структурная взаимосвязь, в соответствии с которой продолжает действовать заключенное в ней целеполагание.

Если мы вспоминаем о переживаниях, то заключенный в них способ воздействия на настоящее отличается (по своей динамике) от полностью прошедших переживаний. В первом случае вновь возникает чувство как таковое, в другом — представление о чувствах и т. д., и с настоящего момента существует лишь чувство представлений о чувствах.

Переживание и акт переживания неотделимы друг от друга; это два способа выражения одного и того же.

От переживания следует отличать суждения, данные в апперцепции: я испытываю грусть, когда вижу умирающего человека или слышу сообщение о чьей-то смерти. В них содержится двоякая направленность высказываний, которые служат выражением данной реальности.

Длительность, схватываемая в понимании

В интроспекции, направленной на собственное переживание, невозможно понять продвижение психических процессов; ведь любая фиксация останавливает процесс и придает фиксированному некую длительность. Но и здесь отношение переживания, выражения и понимания делает возможным решение. Мы постигаем выражение действий и переживаем в соответствии с этим выражением.

Движение времени вперед все больше оставляет позади прошедшее и устремлено в будущее. Трудность, заключающаяся в проблеме, — являются ли психические процессы просто протеканием чего-то или же они суть деятельность, — разрешается лишь в том случае, если мы найдем способ выражения этого процесса там, где направленность процесса получит выражение в самом постигнутом. Но для этого недостаточно течения времени и психического суммирования прошлого. Я должен изыскать такой способ выражения, который мог бы протекать во времени и вместе с тем не был бы разрушен извне. Такова инструментальная музыка. Как бы она ни была записана, она возникает в процессе, в котором создатель прослеживает взаимосвязь во времени одного произведения с другим. Здесь присутствует направленность процесса, действие стремящееся к реализации, продвижение психической деятельности, обусловленность прошлым и сохранение в себе различных возможностей, экспликация, которая одновременно есть творчество.

Значение

Теперь становится зримой новая черта жизни, которая обусловлена временем, но, будучи новой, выходит за пределы жизни. Жизнь в своем своеобразии постигается с помощью категорий, которые чужды познанию природы. И здесь решающий момент состоит в том, что эти категории не приложимы а priori к жизни, как чему-то чуждому, а укоренены в сущности самой жизни. Отношение, которое получает в них абстрактное выражение,— это отношение есть исключительный пункт, на который направлено понимание жизни. Ведь сама жизнь существует только в определенном соотношении целого и его элементов. И если мы абстрактно выделяем это соотношение в категориях, то уже сам этот способ действия предполагает, что число этих категорий не очерчено, а их отношение не может обрести логическую форму. Значение, ценность, цель, развитие, идеал — являются такими категориями. В них взаимосвязь процессов жизни постижима лишь с помощью категории «значение», а именно значения отдельных компонентов жизни для понимания всего целого, точно так же, как любой этап в жизни человечества становится понятным лишь тогда, когда постигается его зависимость от всех остальных. Значение — это всеохватывающая категория, благодаря которой постигается жизнь.

Изменчивость присуща как объектам, которые мы конструируем в познании природы, так и жизни, осознающей себя в собственных определениях. Но только в жизни настоящее охватывает и представление о прошлом, присутствующее в воспоминании, и представление о будущем, данное в фантазии, которая осуществляет свои возможности, и в активности, которая ставит перед собой цели при этих возможностях. Итак, настоящее наполнено прошлым и несет в себе будущее. В этом и состоит смысл слова «развитие» в науках о духе. Оно не обозначает то, что мы можем приложить понятие цели к жизни индивида, нации или человечества, реализующих эту цель. Это — неадекватный предмету способ рассмотрения, который следует отвергнуть. Понятие [развитие] характеризует отношение, присущее самой жизни. Вместе с ним одновременно дано и понятие формообразования. Формообразование — всеобщее свойство жизни. Если мы глубже всмотримся в жизнь, то обнаружим формообразование, присущее и самым низким душам. Наиболее отчетливо формообразование проявляется в исторической судьбе выдающихся людей; но невозможна столь убогая жизнь, которая не содержала бы в своей жизни формообразование. Там, где структура и взаимосвязь душевной жизни, коренящаяся в ней и приобретенная благодаря ей, образуют устойчивость во всех изменениях и во всем преходящем, именно там течение жизни во времени, в соответствии с вышеотмеченными отношениями, становится формообразованием. Но это понятие формообразования появляется все же только потому, что мы постигаем жизнь с помощью категории «значение».

Категория «значение» характеризует отношение элементов жизни к целому, коренящемуся в сущности жизни. Мы обладаем этой взаимосвязью лишь благодаря воспоминанию, в котором мы можем окинуть взглядом прошлое течение жизни. При этом значение становится значимым как форма постижения жизни. Мы постигаем значение момента прошлого. Он значим, поскольку в нем осуществляется связь с будущим посредством действия или посредством внешнего результата. Он значим, поскольку в нем представлен или план будущего образа жизни, или же план реализации этого образа жизни. Либо он значим для совокупной жизни, поскольку осуществляется вмешательство индивида в нее, благодаря чему его собственная сущность оказывает решающее воздействие на формирование всего человечества. Во всех этих и других случаях отдельный момент обретает значение благодаря взаимосвязи с целым, благодаря соотношению прошлого и будущего, бытия отдельного человека и всего человечества. В чем же заключается специфический способ соотношения элемента и целого внутри жизни?

Это отношение таково, что никогда не может быть полностью осуществлено. С одной стороны, надо бы ждать конца жизни, чтобы лишь в минуту смерти обозреть целое, исходя из которого можно было бы констатировать соотношение его элементов. Надо было бы ждать конца истории, чтобы обрести полностью материал, необходимый для определения ее значения. С другой стороны, целое существует для нас лишь так, что оно достигается из своих элементов. Понимание всегда парит между этими двумя способами рассмотрения. Наше понимание значения жизни постоянно колеблется между ними. Любой жизненный план — это выражение понимания значения жизни. То, что мы в качестве цели выносим в будущее, обуславливает и определение значения прошлого. Реализующееся формирование жизни обретает некий масштаб благодаря оценке значения того, что вспоминается.

Подобно тому, как слова обладают значением, благодаря чему они что-то обозначают, подобно тому, как предложения имеют смысл, который мы конструируем, можно конструировать определенно-неопределенное значение элементов жизни из их взаимосвязи.

Значение — это особый вид соотношения, которое имеют внутри жизни ее элементы с целым. Это значение мы постигаем через воспоминания и возможности будущего, подобно тому, как постигаем значение слов в каком-то предложении. Сущность соотношений значения заключена в отношениях, которые присущи формированию процесса жизни, происходящему во времени на основе структуры жизни при определенных условиях среды.

Что же конституирует эту взаимосвязь при рассмотрении специфического течения жизни, благодаря чему мы и можем связать отдельные части в единое целое, позволяющее понять жизнь? Переживание и есть единство, моменты которого связаны общим значением. Писатель действует так, когда он выделяет наиболее значительные моменты чьей-то жизни. Историк называет кого-то выдающимся человеком, а его жизненную судьбу значительной; по определенному влиянию каких-то произведений или самого человека на судьбу человечества он познает их значение. Моменты его жизни имеют определенное значение для всей жизни: короче говоря, категория «значение» имеет непосредственную связь с пониманием. Это мы и должны раскрыть.

Любое проявление жизни обладает значением, поскольку оно, подобно знаку, выражает нечто, указывает, будучи выражением, на нечто, что принадлежит жизни. Жизнь сама по себе не означает чего-то иного. В ней нет разобщения, на чем и могло бы основываться то, что она значит что-то иное, внешнее ей самой.

Коль скоро мы с помощью понятий что-то вычленим в жизни, мы прежде всего используем их для описания уникальности жизни. Тем самым всеобщие понятия служат выражением понимания жизни. Итак, здесь существует свободное отношение между предпосылкой и движением от нее к чему-то, присоединяющемуся к ней: новое не вытекает формальным образом из предположения. Наоборот, понимание движется от уже понятой черты к чему-то новому, из чего оно и может быть достигнуто. Внутреннее отношение дано в возможности воспроизведения и сопереживания. Таков всеобщий метод, коль скоро понимание не ограничивается сферой слов и их смысла, ищет не просто смысл знаков, а более глубокий смысл проявлений жизни. Этот метод впервые предчувствовал Фихте. Жизнь подобна мелодии, в которой звуки не являются выражением каких-то реалий, присущих жизни. Мелодия заключена в самой жизни.

1. Простейшим случаем, в котором обнаруживается значение, является понимание какого-то предложения. Каждое из отдельных слов обладает значением, а из их объединения возникает смысл предложения. Итак, способ действия таков, что из значения отдельных слов вытекает понимание предложения, а именно существует взаимодействие между целым и элементами, в силу чего

неопределенность смысла возникает из-за возможностей всего предложения и отдельных слов.

2. Подобное же отношение существует между элементами и целостным ходом жизни, и здесь также понимание целого — смысла жизни проистекает из значения [отдельных элементов].

3. Это же отношение значения и смысла существует, следовательно, и в процессе жизни: отдельные события, которые ее образуют, выступают в чувственном мире и так же, как слова предложения, имеют отношение к чему-то, что они значат. Благодаря этому смысл любого отдельного переживания сосредоточен в смысле значащего целого. И подобно тому, как слова связаны в предложение для их понимания, подобно этому из взаимосвязи переживаний проистекает значение хода жизни. Аналогичным образом обстоит дело и с историей.

4. Итак, понятие значения используется прежде всего исключительно в процедуре понимания. Оно включает в себя только отношение внешнего, чувственного с чем-то внутренним, выражением чего оно и является. Однако это соотношение существенно отличается от грамматического. Выражение внутреннего в элементах жизни есть нечто иное, чем выражение в словесных знаках и т. д.

5. Следовательно, слова «значение», «понимание», «смысл жизни» или «смысл истории» говорят нам не как намек, не как соотношение событий, содержащееся в понимании внутренней взаимосвязи, благодаря чему они понимаются.

6. То, что мы ищем,— это способ взаимосвязи, присущий самой жизни; и мы ищем его, исходя из отдельных событий самой жизни. Во всем, что должно быть полезно для этой взаимосвязи, должно заключаться и то, что свидетельствует о значении жизни; кроме того, значение жизни не может возникнуть просто из взаимосвязи отдельных событий. Подобно тому, как естествознание обладает своим всеобщим схематизмом в своих понятиях, в которых представлена причинность, господствующая в физическом мире, и в специфической методологии — в методах ее постижения, подобно этому здесь нам открыт доступ к категориям жизни, их соотношениям друг с другом, их схематизму и к методам ее постижения. Но если в естествознании мы имеем дело с абстрактной взаимосвязью, которая совершенно прозрачна по своей логической природе, то в гуманитарных науках нам необходимо понять саму взаимосвязь жизни, которая полностью недоступна познанию.

Мы понимаем жизнь, лишь постоянно приближаясь к ней; иными словами, в природе понимания [и] в природе жизни заключено то, что жизнь, будучи постигнута с совершенно различных точек зрения, в которых постигается ее временное течение, обнаруживает нам совершенно различные стороны. В воспоминании (когда мы что-то вспоминаем) впервые и появляется категория значения. Любое настоящее исполнено реальностью. И ему мы приписываем негативную или позитивную ценность. Когда же мы стремимся навстречу будущему, возникают категории цели, идеала, формирования жизни. Тайна жизни и заключается в том, что в ней реализуется высшая цель, которой подчинены все частные цели. В ней осуществляется высшее благо; и она должна быть определена идеалами. В ней реализуется формирование. Каждое из этих понятий охватывает со своей точки зрения целое жизни: тем самым оно обретает характер некоей категории, с помощью которой понимается жизнь. Ведь ни одна из этих категорий не подчинена другой, т. к. каждая из них делает доступной для понимания целостность жизни с одной какой-то точки зрения. Поэтому они не сравнимы друг с другом. И тем не менее необходимо провести здесь одно различие. Специфические ценности переживаемого настоящего существуют обособленно друг от друга. Они лишь сравнимы. Жизнь с этой ценностной позиции представляется бесконечной полнотой ценностей существования, как негативных, так и позитивных, бесконечной совокупностью своеобразных ценностей. Это — хаос, исполненный гармонии и

диссонансов, но диссонансы не растворены в гармонических сочетаниях. Нет звука, исполненного в настоящем, который не имел бы музыкального отношения к предшествующему или последующему звуку. Соотношение между собственными и производными ценностями полагает лишь причинные отношения, механический характер которых не позволяет постичь глубин жизни.

Категории, которые позволяют постичь жизнь с точки зрения будущего, предполагают категорию «ценность»; они разворачиваются в возможностях, направленных вперед — в будущее.

Только в соотношении значения жизненных процессов с пониманием и смыслом жизненного целого взаимосвязь, которая содержится в самой жизни, получает адекватное воплощение. Лишь в этой области в самой категории преодолевается простая рядоположенность и простое соподчинение. Тем самым категориальные взаимодействия ценности и цели, как отдельных сторон понимания жизни, достигнуты в целостной связи этого понимания.

Значение и структура

1. Взаимосвязь переживания в его конкретной действительности заключена в категории «значение». Это — единство, которое охватывает течение пережитого или сопереживаемого в воспоминании, а именно его значение состоит не в точке единства, лежащего по ту сторону переживания, а в самих этих переживаниях в качестве того, что конституирует их взаимосвязь.

Тем самым эта взаимосвязь есть некий содержащийся в природе переживаемого свойственный ему способ соотношения, или категория.

То, в чем заключено значение жизни, что пережил индивид — я, или кто-то другой, или нация,— не определено однозначно тем, что такое значение существует. То обстоятельство, что значение существует, известно тому, кто вспоминает, соотносясь с переживаемым. Лишь в последний миг жизни можно постичь ее значение, и, следовательно, значение может выявиться в конце жизни, в ее последнем мгновении или тому, кто переживает эту жизнь.

Так, жизнь Лютера получила свое значение в качестве взаимосвязи всех конкретных событий лишь в обретении и реализации новой религиозности. В свою очередь религиозность образует определенный этап в более универсальной взаимосвязи конкретного до и после. Здесь значение рассмотрено исторически. Вместе с тем можно отыскать это значение и в позитивных ценностях жизни и т. д. В таком случае они соотносятся с субъективным чувством.

2. Здесь-то и обнаруживается, что значение не совпадает ни с ценностями, ни с их взаимосвязью в какой-либо жизни.

3. В то время как значение — категория, характеризующая неразложимую взаимосвязь жизни, категория структуры впервые возникает при анализе круговорота живого. В этом смысле анализ ищет лишь то, что сохраняется в этом круговороте. Он не находит ничего, кроме того, что сохраняется в нем. То, что сохраняется, есть нечто обособленное, а понятие о нем значимо лишь в том случае, если сознание всегда связано с жизненными взаимосвязями, в которых оно сохраняется.

Сколь далеко может зайти это расчленение? Вслед за естественнонаучной атомистической психологией возникла школа Brentano, которая была схоластикой в психологии. Ведь в этой школе создавались такие абстрактные сущности, как способы поведения, предмет, содержание, с помощью которых она пыталась объяснить жизнь. Свое крайнее выражение этот подход получил у Husserl.

А противоположность этому [подходу] — жизнь есть нечто целое. Структура: взаимосвязь целостной жизни, обусловленная реальными соотношениями с внешним миром. Образ жизни [и есть] лишь такого рода отношение. Чувство или

воля — это понятия, которые указывают на то, как воссоздать соответствующий элемент жизни.

Значение, значимость, ценность

1. Каждый фрагмент объективного мира, который при своем истолковании соотносим с жизнью, простирающейся на все формы объективации жизни, в жизненных проявлениях есть нечто целое, обладающее своими элементами, и одновременно элемент целого, так как включен во взаимосвязь действительности, в свою очередь расчленяющейся на элементы и включающейся в более широкую взаимосвязь. Итак, каждый фрагмент обладает двояким значением, будучи членом более широкого целого. Это и есть та отличительная черта, которую жизнь сообщает всему переживаемому и пережитому. Ведь в переживании уже заключена некая установка или позиция относительно всего, что выявляется в нем в качестве отдельного жизненного отношения; экономического бытия, дружбы, незримого мира. Существует и взаимосвязь действия, которая обусловлена этой установкой, этой внутренней позицией. В жизни приходится вступать в соотношения с человеком, который занимает противоположную позицию, осуществлять определенные способы поведения: таковыми являются вражда, отрешение от жизненных связей, уединение, любовь, уход в себя, тоска по чему-то, противопоставление себя, потребность в чем-то, постулирование чего-то, уважение к чему-то, форма, бесформенность, противоречие между жизнью и объективностью, бессилие жизни в объективном мире, воля, невозможность преодолеть существующие способы объективации для того, чтобы жизнь вновь могла приносить удовлетворение, идеал, память, разобщение, объединение.

В самом комплексе взаимосвязей жизни существует страдание из-за бренности, тенденция к ее преодолению, стремление к реализации и объективации, отрицание наличных пределов и их преодоление, разобщение и объединение.

Предикатами самой жизни являются несчастье, нищета, красота жизни, свобода, способ жизни, взаимосвязь, развитие, внутренняя логика, внутренняя диалектика.

Противоположность установки на посястороннее и потустороннее, на трансцендентное и имманентное, их примирение.

2. В так возникших отношениях фиксирована значимость отдельных элементов жизни. Значимость — это определенность значения элементов для целого, возникшая на основе взаимосвязей действия. В образе жизни она выражена во взаимосвязи действия как отношение органов целого к самому целому, затем становится переживанием действия и связывает органы в порядок, независимый от действия. Ведь действие конституирует все, что появляется в жизни. Для познающего она содержит только воздействующее; ведь действие самости (Selbst) неизвестно. Однако позиция и установка являются более глубокими, чем способ воздействия, составляющий жизнь; все понятия, развернутые выше, это понятия жизни, содержащиеся в самой жизни. В любом живом существе на каждом этапе [из жизни] эти понятия получают новую взаимосвязь. Они придают всему, что присуще жизни, новую окраску. Пространственные отношения, такие как широта, даль, высота, низ получают восполнение, проистекающее из образа жизни. Это же относится и ко времени...

3. В соответствии с этими [пространственными и временными] отношениями в антропологической рефлексии, искусстве, истории и философии возникает взаимосвязь, в которой то, что содержится в жизни, поднимается до уровня сознания.

Исходной является антропологическая рефлексия. Выявляемая ею взаимосвязь основана на таких взаимосвязях действия, как страдание и т. д.; она предлагает их типологию и фиксирует значимость взаимосвязей в целостности жизни.

Поскольку взгляд на собственную жизнь связан с рассмотрением жизни других лиц, а переживание и понимание собственной самости — с пониманием других людей и постижением жизни человечества, постольку возникают обобщения, в которых по-новому выражены ценность, смысл и цель жизни. Они образуют особый слой между самой жизнью и ее изображением в искусстве и всемирной истории. Такова литература с ее почти безграничным охватом. Здесь-то и встает вопрос о том, как исторические категории опосредствуют понимание в литературе.

Если изучение человека ограничивается лишь рамками научной психологии, что и делается сегодня, то подобное ограничение не соответствует реальному историческому процессу изучения человека. Подход к изучению человека искался в совершенно разных направлениях. Однако наиболее глубокое противоречие, существующее в этой области,— противоречие между тем, что мною когда-то было названо содержательной психологией, а точнее можно было бы назвать конкретной психологией, антропологией, с одной стороны, и собственно психологией как наукой, с другой. Этой антропологией ближе вопросы о значении жизни, о ее ценностях, потому что она сама ближе к конкретной жизни. Таковы попытки провести различие между определенными типами и степенями в процессах жизни, в соответствии с тем, как в каждом из них реализуется значимость жизни внутри определенного типа.

Неоплатонистский тип, мистический тип средневековья — ступени у Спинозы.

В этих схемах получает реализацию значение жизни.

Основа поэзии — комплекс действий жизни, событие. Любая поэзия каким-то образом связана с переживаемым или понимаемым событием. Изображая событие, она делает значимыми его отдельные стороны с помощью свободного воображения, составляющего отличительную черту фантазии. Все, что уже было сказано об образе жизни, конституирует и поэзия, и она дает наиболее сильное выражение этому способу отношения к жизни. Тем самым любая вещь в своем соотношении с образом жизни обретает и вытекающую из него окраску: дальше, выше, глубже. Прошое и настоящее — это не просто определения действительности, поэт вновь создает в своих переживаниях отношение к жизни, которое в ходе интеллектуального развития и под воздействием практических интересов отступает на задний план.

4. Значимость, которую получают факты, становясь определением элементов значения целостностью,— это жизненное, а не просто интеллектуальное отношение, не привнесение разума или мысли в элементы того или иного события. Значимость вырастает из самой жизни. Если в качестве смысла всей жизни называют ту взаимосвязь, которая, подобно целому, вытекает из значения элементов, то поэтическое произведение выражает смысл жизни посредством свободного творчества связей значения. Событие превращается в символ жизни.

После антропологической рефлексии все — просвещение, экспликация самой жизни и, следовательно, поэзия. Глубины жизни, недоступные наблюдению и рассудку, извлекаются на свет. Так в поэте возникает дар вдохновения.

Граница поэзии заключается в том, что здесь не существует метода понимания жизни. Явления жизни не упорядочены в некую взаимосвязь. Сила поэзии заключается в непосредственном отношении события к жизни, поэтому она становится непосредственным выражением жизни; вместе с тем поэзия — это свободное творчество, которое придает зримое событийное выражение значимости [жизни].

Царство жизни, понятое как объективация жизни во времени, как организация жизни в соответствии с отношениями времени и действия, является историей. Она — то целое, которое никогда не завершаемо. Историк на основе того, что содержится в источниках, выявляет взаимосвязь действия, ход событий. Он призван

к тому, чтобы привести к осознанию реальный ход событий.

Итак, значение элемента здесь определено его отношением к целому, но это целое рассматривается здесь как объективация жизни и понимается, исходя из этого отношения.

Ценности

Царство ценностей все более и более расширяется — таков факт нашей духовной жизни. Сам этот факт характеризует отношение живых существ к предметам, характер которых выражается в их ценностном определении. Итак, изначально ценность — не продукт образования понятий на службе предметного мышления. Ценность может стать такого рода продуктом, если он, с одной стороны, репрезентирует способ действия, а с другой стороны — включен в предметные отношения. Точно так же обстоит дело и с оценкой ценностей. Оценка — способ действия, независимый от предметного познания. В этом смысле должно быть переосмыслено и выражение «ценностное чувство». Ценность — это абстрактное выражение указанного способа действия. Как правило, ценности выводятся психологически. Это соответствует всеобщности дедуктивного метода в психологии. Однако этот метод сомнителен, потому что он зависит от исходной психологической точки зрения на то, что считать ценностью, и на то, как установлены отношения выведения между ценностями. И столь же ошибочно трансцендентальное выведение, которое противопоставляет безусловные и относительные ценности. И здесь метод должен быть совершенно иным. Следует исходить из выражения, в котором уже заключено любое полагание ценности, и, исходя из него, уяснить себе все ценности. И лишь затем можно ставить вопрос о самом существующем способе действия.

Сама жизнь отображается в сменяющихся формах положительного и негативного действия, в побуждениях, в удовольствии, одобрении, в удовлетворении [потребностей]; предметы, конструируемые надолго, становятся носителями возникшего содержания актов воспоминания о чувствах, и они репрезентируют собой лишь возможности многообразных душевных состояний. Мышление отделяет совокупность таких возможностей аффицировать душу от предмета и соотносит их с ним; так возникает созерцание и понятие ценности. Поскольку ценность всегда заключает в себе особое соотношение с аффицируемым субъектом, которое отделено от свойств, составляющих действительность предметов, постольку ценность в отличие от свойств [предмета] всегда занимает особое место. Вместе с развитием жизни возрастает и многообразие возможностей предметов аффицировать душу. Воспоминание все больше перевешивает актуальные аффекты. Ценность обретает все большую независимость по отношению к появляющимся и исчезающим аффектам. Это понятие может включать в себя, наряду с совокупностью существующих предметов, одну лишь совокупность возможностей, существовавших в прошлом. Из практических отношений, в которых воля оценивает ценности согласно определению цели, возникает сперва сравнение ценностей друг с другом, в ходе которого ценность, будучи благом или целью, достигает соотнесенности с будущим. При этом ценность обретает новую самостоятельность, соразмерную понятию: ее моменты объединены общей оценкой, становясь расчлененным образованием; даже будучи освобождены от соотнесенности с волей, ценности продолжают существовать в этой их новой самостоятельности. Таково воздействие переживания на постепенное развитие понятия ценности. Еще раз подчеркнем, что речь идет лишь только о выделении этого воздействия с помощью аналитического метода, а не о какой-то исторической ступени.

В осмыслении, в углублении Я в себя возникает затем возможность превратить Я

в предмет и, сделав его носителем возможностей, использовать его самого и предоставить другим людям предмет наслаждения. В этом соотношении оно ведет себя так же, как и предметы, которыеотягощены возможностью быть полезными, не говоря ни слова о том, полезны ли они, существуют ли они и действуют ли. Однако даже там, где многообразно аффицируемая сущность становится своим предметом, даже там возникает совершенно специфическое понимание самоценности личности, поскольку начинает действовать чувство самости, охватывающее собой все ею произведенное и испытывающее удовольствие в этом действии. Благодаря осознанию своей самоценности личность обособляется от всего остального мира, которому неизвестно наслаждение самим собой. В этом заключается смысл выдвинутого в эпоху Возрождения понятия монады, в котором едины вещь, наслаждение, ценность, совершенство. Лейбниц ввел в немецкую философию и литературу это понятие, наполнив его тем сильным чувством, которое он нес в себе.

Иной способ развития понятия ценности осуществляет понимание. Здесь исходным является сила, присущая подлинной жизни, сила воздействия индивида на нас. И подобно тому, как понимание конструируется сообразно пониманию другого индивида, подобно этому также осуществляется дальнейшее отделение созерцания и понятия ценности от аффектов души. Ведь они здесь не только воспроизводимы, но они соотносены с другим субъектом. Из этого следует, что соотношения между возможностью аффицирования и самоощущением субъекта, обладающего этой возможностью, понимаются гораздо более ясно. Самоценность личности полностью обнаруживается во внешней предметности, выражается в спокойной объективности во всех соотношениях с миром. Здесь еще сохраняется одна граница, которая впервые преодолевается исторической дистанцией. В таком понимании смешано сопоставление с собой, самолюбование, зависть, ревность, страдание под воздействием внешней силы; а масштаб, который позволил бы дать оценку прошлого, отсутствует.

Ценность — это предметная характеристика, осуществленная с помощью понятия. Жизнь угасла в ней. Однако ценность не утратила своей соотносительности с жизнью.

Коль скоро понятие ценности сформировано, оно может превратиться благодаря отношению к жизни в некую силу, так как оно схватывает то, что в жизни расчленено, смутно и текуче. Коль скоро ценности открываются в истории, а ценностные интуиции, будучи выражением жизни,— в документах, то именно они воссоздают благодаря переживанию их соотносительности с жизнью то, что в них уже содержалось.

Целое и его элементы

Жизнь, протекающая во времени и различающаяся в пространственном сосуществовании, категориально расчленима в соответствии с отношением целого к своим элементам. История, будучи реализацией жизни в течение времени или в одновременности, также может быть категориально рассмотрена, а в дальнейшем и расчленена в соответствии с отношением элементов к целому. Ее нельзя уподобить предметам, существующим в покое и постигаемым привходящим субъектом; эти предметы составляют одно целое лишь в отнесении к личности, к жизни, в которую они включены, в противном случае они не могут появиться: их не связывает отношение друг к другу. Совершенно иначе обстоит дело в истории! Всякое формообразование с естественнонаучной точки зрения есть безразличный результат движения масс, а движение и массы, их закономерное соотношение не подчинены времени. Жизнь же, напротив, в любой своей форме обладает внутренним соотношением элемента с целым, тем самым ее формообразования никогда не безразличны, поскольку они и т. д.

Эта принадлежность [к целому] обнаруживается в совершенно различных

жизненных отношениях и в каждом из них по-разному.

Развитие, сущность и другие категории

Здесь возникают две новые категории. Жизнь и процесс жизни являются комплексом взаимосвязей. Эти взаимосвязи образуются благодаря постоянному обретению новых переживаний на основе прежних переживаний, что я и называю приобретенными взаимосвязями души. Таковы и их формы. Следствием природы этого процесса является определенная длительность и непрерывность взаимосвязей при всей их изменчивости. Я обозначаю это состояние, присущее всей духовной жизни, категорией сущности. С другой стороны, сущность постоянно изменяется. Уже в этом содержится то, что изменение, возникающее вследствие внешних воздействий на единую жизненную взаимосвязь, вместе с тем определено этой взаимосвязью. Таким образом возникает характер любого процесса жизни. Это и следует понять совершенно непредвзято. От всех идей (Theoreme) о постепенном и ступенчатом развитии надо отказаться.

Каков же этот процесс, проявляющийся во всем? Определенность единичного существования, любого его отдельного состояния включает в себя его пределы. Эти пределы следует отличать от пространственных границ. Природа их заключена в духовном. Единичное существование — это индивидуальность. Из этого предела и проистекают страдания и стремление избавиться от них. В этом трагичность конечности и одновременно стремление превзойти ее. Предел внешне обнаруживается как давление мира на субъекта. Оно может быть так усилено силой отношений и природой души, что затруднит движение вперед. Однако в большинстве случаев конечная природа способна преодолеть давление новых жизненных обстоятельств и других отношений к людям. И поскольку любое новое состояние в себе обладает конечным характером, постольку и в нем возникают та же самая воля к власти, вытекающая из зависимости, та же самая воля к внутренней свободе, которая проистекает из внутренних границ. Все это, однако, удерживается вместе внутренней силой и внутренней границей, которые обнаруживаются в определенности единичного существования и приобретенной взаимосвязи, обладающей какой-то длительностью. Итак, во всем действительна та же самая сущность. Во всем существует определенный предел возможностей, и все же существует свобода выбора между ними, а вместе с этим возникает удивительное чувство, что можно двигаться вперед и реализовывать новые возможности в собственном бытии. Эту внутренне определенную взаимосвязь в процессе жизни, определяющую непрерывный прогресс изменений, я и называю развитием.

Это понятие совершенно отличается от спекулятивных фантазий относительно прогресса ко все более высшим ступеням. Может быть, оно включает в себя рост ясности, дифференциацию и т. д. субъекта. Однако без реализации высшего значения процесс жизни может остаться связанным с природной основой вегетативного роста, расцвета и распада от рождения до смерти, подобно низшим формам жизни. Процесс жизни может рано склониться к закату или же восходить до конца.

IV. Биография

1. Научный характер биографии

Мнения историков о научном характере биографии различны. Вопрос о том, включается ли биография в качестве части в состав исторической науки или же она существует вне исторической науки, занимая во взаимосвязи наук о духе особое место, этот вопрос в конечном счете терминологический; ведь ответ на него зависит

от того смысла, который придают термину «историческая наука». Однако исходным пунктом любой дискуссии о биографии является гносеологическая или методологическая проблема: возможна ли биография как общезначимое решение научной задачи? Я исхожу из того, что предмет истории дается нам в совокупности объективации жизни: во взаимосвязь природы включены проявления жизни духа — от быстрых и мимолетных жестов и улетающего устного слова до непреходящих поэтических творений, а упорядочение, которое мы придаем природе и себе, включает в себя правовой порядок и установления, в которых мы сами живем. Они составляют внешнюю действительность духа. Документы, на которых преимущественно и основывается биография,— это остатки, сохранившие выражение и действие личности. Особое место среди них занимают, конечно, письма и свидетельства. Задача биографа состоит в том, чтобы из такого рода документов понять взаимосвязь действия, в котором индивид определен своей средой и реагирует на нее. Любая история должна понять взаимосвязь действий. Историк тем глубже проникает в структуру исторического мира, чем глубже он вычленяет отдельные взаимосвязи и изучает их жизнь. Религия, искусство, государство, политические и религиозные организации образуют такого рода взаимосвязи, пронизывающие всю историю. Исходным среди этих взаимосвязей является жизнь индивида в определенной среде, воздействия которой он испытывает и на которую он сам оказывает воздействие. Уже в воспоминании индивида дано ему это отношение: хода его жизни, ее условий и его действий. Именно здесь мы имеем прелесть истории. Ведь собственно исторические категории вырастают из нее. Коль скоро ход жизни осознается самостью в своей последовательности, все моменты жизни имеют свою основу в категории самости. Дискретное, будучи связано, становится непрерывностью; выстраивая в одну линию воспоминания — от воспоминаний детства до воспоминаний взрослого человека, который утверждает в противовес миру свою устойчивую, погруженную в себя душевность, мы определенным образом соотносим процессы действия и реакции на то, что уже сложилось и развивается как внутренне определенное. Внешние события оказывающие воздействие на личность, имеют для нее ценность действия. Отдельные состояния личности и влияния на нее образуют свое значение в отношении к процессу жизни и к тому, что формируется в нем.

Автобиография — это литературное выражение, размышление индивида о ходе своей жизни. Но в том случае, когда размышление о собственной жизни переносится на понимание жизни другого человека, возникает биография как литературная форма понимания чужой жизни.

Любая жизнь — и маленького, и выдающегося человека, и повседневная, и необычная — может стать предметом описания. Интерес к этому описанию может возникнуть по совершенно различным мотивам. В семье сохраняются семейные воспоминания. Криминалистика и ее теории стремятся дать описание жизни преступника, психиатрия — патологической жизни больного человека. Все человеческое становится документом, который актуализирует в себе какую-то из возможностей нашего бытия. Тем более исторически значимый человек, жизнь которого оказывает длительное влияние, в высшей степени достоин того, чтобы его биография стала предметом искусства. Среди этих исторически значимых людей особого внимания биографов заслуживают те, чье влияние связано с проникновением в труднодоступные глубины человеческого бытия, кто достиг более глубокого проникновения в человеческую жизнь и ее индивидуальный облик.

Как можно отрицать то, что биография имеет непреходящее значение для понимания сложных взаимосвязей исторического мира! Ведь налицо связь между глубинами человеческой природы и универсализацией исторической жизни, связь, обнаруживаемая в любой точке истории. Исходным здесь является связь между

самой жизнью и историей.

Тем более насущно решение поставленной нами проблемы: как же возможна биография? Жизнь исторической личности — это система действий, в рамках которой индивид воспринимает воздействия исторического мира, формируется ими и вновь воздействует на исторический мир. Это и есть область мирских взаимодействий, из чего и вырастает воздействие на индивида, испытывающего воздействия со стороны уже сформировавшегося индивида. Именно в этом коренится сама возможность биографии, построенной научным образом: индивид не противостоит безграничной игре сил в историческом мире; наоборот, сфера его жизни — государство, религия, наука, короче говоря, собственная система или взаимосвязь его жизни. Внутренняя структура этой системы такова, какой ее делает сам индивид; она формируется и определяется направленностью его действий: возможности, которые заключены в этой внутренней структуре, в определенный момент истины и обуславливают исторические свершения.

Если взглянуть на жизнь Шлейермахера, то его биография, казалось бы, растворится в многообразии его поступков. Однако при более внимательном изучении можно обнаружить, что неординарность этой личности заключена во внутренней взаимосвязи ее действий, объединяющей собой религиозность, философию, критику, новую интерпретацию и Платона, и апостола Павла, его церковные и государственные дела. Подлинная сила переживания и понимания, неторопливого разумения, возвышающегося над жизнью и деятельностью человека, превращающего их в свой предмет, сила, основанная на постоянном доминировании в душе высшего сознания, которое поднимает человека над судьбой, страданием и миром...

2. Биография как художественное произведение

Автобиография — это понимание самого себя. Именно здесь предметом оказывается жизнь как течение жизни одного индивида. Именно здесь переживание является той постоянной, непосредственной основой понимания, которое связано с определением смысла жизни индивида. Переживание, постоянно осуществляясь в настоящем, включает в себя элементы той взаимосвязи, в которой отдельные элементы обнаруживают себя как элементы приобретенной взаимосвязи души. Одновременно новые элементы — и те, что вновь переживаются, и те, что вспоминаются, оказываются звеном взаимосвязи действия. Однако сама по себе структура действий оказывается не системой действий, а сознанием, присущим любому действию и проецирующим себя в будущее, выдвигая определенные цели. Она-то и формирует взаимосвязь действия, так как даже страсть включает в себя цель.

Итак, взаимосвязь действия прежде всего переживается как реализация целей, большинство из которых по крайней мере осознаны. Им подчинены объекты, изменения и переживания, выступающие как средство. Благодаря целям формируется план жизни, связывая воедино различные цели и средства. Все это уже предполагает в настоящем времени, когда и формируется план жизни, ценностное сознание, которое восполняет настоящее прошлым со свойственными ему потребностями, иллюзиями и т. д. Итак, категориальное постижение смысла настоящего противостоит постижению смысла, сформированного в прошлом. В нем заключена сопряженность внешних, единичных событий с чем-то внутренним так, что внутреннее, заключенное в структуре отдельных событий, образовано не последним членом, этого ряда, а сосредоточено в центральной точке, где все внешнее соотнесено с внутренним. Таков бесконечный ряд действий, обладающих смыслом. Здесь впервые создано единство.

Понимание достигается при определенных внешних обстоятельствах. Оно

осуществляется постоянно вплоть до самой смерти, и его границы определены лишь тем, что сохранилось. В этом и состоит преимущество биографии перед автобиографией.

Биография может быть использована для понимания внешних обстоятельств, включая и план жизни, и осознание ее смысла. Письма выявляют оценку индивидом определенной ситуации, другие документы обнаруживают значение отдельных моментов его прошлого. Формируется единая взаимосвязь, ведущая к пониманию: постигается талантливость человека, она осознается другими; биография отвлекается от обстоятельств жизни, заблуждений, страданий или же преувеличивает благотворность влияний среды; она идет навстречу задачам, воспринятым извне, а их осуществление и приводит или к благу, или к злу. Преимущество состоит в том, что биография ищет в материале сопряженность внешнего и внутреннего, внешних обстоятельств и смысла жизни: автобиография же сама говорит об этой сопряженности. Такова, например, автобиографическая проза Гёте (в моей трактовке). Биограф уже обладает сознанием исторического влияния, его границ и пр.

Письма выявляют те или иные моменты жизни. Они оказывают влияние прежде всего на того человека, которому предназначены. Они выявляют жизненные отношения, но любое жизненное отношение рассмотрено лишь в одном аспекте. Однако если жизнь, независимо от того, завершена она или нет, приобрела ли она историческую значимость или нет, может быть оценена отныне в соответствии с ее смыслом, то это можно осуществить лишь в той мере, в какой с помощью интерпретации наличных документов может быть выявлена связь с прошлым, с влиянием окружения, с воздействием на будущее. Эти документы позволяют понять индивида как средоточие энергичных действий, воспринимаемых и осуществляемых им самим. Однако значение жизни в исторической взаимосвязи лишь констатировано, если задача — постичь жизнь индивида, вырванного из всеобщей взаимосвязи, вообще может быть решена...

Итак, биография как художественное произведение не может решить эту задачу, не обращаясь к тому или иному историческому времени.

Тем самым изменяется исходная точка зрения. Если граница истолкования индивида состоит в том, что он становится как бы средоточием себя, то и биографы превращают индивида в некое средоточие. Биография же как художественное произведение должна найти такой исходный пункт, который расширил бы всемирно-исторический горизонт и удержал бы индивида в качестве средоточия взаимосвязей действия и значения: задача, которую любая биография может решить только приблизительно. С одной стороны, биография должна выявить объективную взаимосвязь во всем многообразии его сил, историческую определенность этой взаимосвязи, ценности этой определенности, взаимосвязи значения: всегда должна осознаваться его безграничность, возможность расширения во все стороны, и все же необходимо фиксировать точку этого соотнесения в индивиде. Из этого следует, что художественная форма биографии применима лишь к историческим личностям. Ведь только в них заключена та сила, которая и составляет такого рода средоточие.

Трудность, заключающаяся как бы в двоякой точке зрения биографов, никогда не может быть полностью снята.

Роль биографии в историческом описании постоянно возрастает. Биография была уже подготовлена романом. Возможно, Карлейль был первым, кто наиболее полно осознал значение биографии. Он ссылается на то, что трудная проблема, поставленная развитием исторической школы вплоть до Ранке, заключается в отношении многосторонности жизни к историческому описанию. Это описание и должна осуществить история как целое. Все предельные вопросы о ценности истории находят свое окончательное решение в том, что человек познает себя сам.

Мы постигаем человеческую природу не с помощью интроспекции. В этом состояло чудовищное заблуждение Ницше. Именно поэтому он и не смог понять значение истории. Универсальная постановка задач истории имплицитно содержится уже в философии Гегеля. Эта задача оказалась ему более близка, чем изучение неисторической жизни естественных народов, которым присуще однообразное повторение одного и того же жизненного содержания. Такова природная основа всей истории. Поскольку изучение истории выдающихся личностей предполагает совершенно иной способ изучения, постольку границы жизни всего человечества становятся зримыми с других сторон. Между ними находится изучение нравов. Исходными пунктами такого изучения были биографии, написанные Карлейлем, трактовка Якобом Буркхардтом оснований отдельных культур, описания нравов, осуществленные Маколеем. (Братья Гримм.) Такова та основа, благодаря которой биография как художественное произведение получила новый смысл и новое содержание.

Однако именно в этом заключены и ее собственные пределы: всеобщие движения проходят сквозь индивида как сквозь транзитную точку; нам необходимо найти новые основания для их понимания, основания, не сводящиеся к индивиду. Биография сама по себе не может превратиться в научное художественное произведение. Существуют новые категории, образы и формы жизни, к которым и следует обратиться и которые сами не обнаруживаются в индивидуальной жизни. Индивид — это лишь точка пересечения систем культуры и организаций, куда вплетено его бытие: как же можно их понять, исходя из индивида?

Перевод с немецкого А. П. Огурцова

=====

Источник: Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129-143.